

ОТКРОВЕНИЯ: ВТОРОЕ ДНО

Полина Гребенщикова

18+

Полина Гребенщикова

ОТКРОВЕНИЯ: ВТОРОЕ ДНО

«Автор»

2026

Гребенщикова П.

**ОТКРОВЕНИЯ: ВТОРОЕ ДНО / П. Гребенщикова — «Автор»,
2026**

Есть мужчина. И есть его женщины. Он обманывает, ломает, использует — и таких девушек было немало. Продолжение цикла, вдохновлённого реальными судьбами. Новые истории, о которых автору рассказали сами жертвы. Разные города — но в центре каждой он. И у каждой истории есть второе дно. Девушки находят друг друга, узнают себя в чужих рассказах и понимают: они не одиноки. Их голоса крепнут — и вместе они вступают в противостояние с тем, кто считал себя хозяином положения. Можно ли собрать себя из осколков, которые он разбил? 18+. Насилие, эротика, психологический абюз. Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми случайны. Книга является художественным произведением.

© Гребенщикова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Из огня да в полымя	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Полина Гребенщикова

ОТКРОВЕНИЯ: ВТОРОЕ ДНО

Глава 1 Из огня да в полымя

Татьяна Милославская: Беги, Таня, беги

Она вылетела из квартиры, как вырываются из горящего дома — жадно, судорожно, всем телом, будто за спиной ещё дышало пламя. В ушах всё ещё гудел его крик, как обрывок сирены, застрявший в черепе. Запястье саднило, словно на нём остался след от тисков, голова раскалывалась на части, а там, где минуту назад были волосы, теперь зияла холодная, ноющая пустота — он выдрал целый клочок, и эта боль была не только физической, это была боль потери, унижения, собственной беспомощности. Всё тело ныло от побоев, каждый удар отдавался тупой, колючей волной, как будто её изнутри били молотком по натянутым нервам. Кожаный плащ, накинутый второпях на голое тело, на дрожащие плечи, прикрытые лишь тонким бельём, был бесполезен — он не грел, он лишь колотился по бёдрам, как холодный саван. Осень в её городе не была милосердной: пронизывающий ветер кусал кожу, ледяными иглами впивался в обнажённые ноги, а берцы, нахлобученные на босые ступни, неприятно шлёпали по пяткам, оставляя на коже ссадины от каждого шага. Но она бежала. Бежала сквозь боль, сквозь холод, сквозь слёзы, застывающие на щеках. Бежала к другому свету — к другому голосу, который в её израненном сердце звучал как спасение, как последний глоток воздуха, как единственная дверь в этой захлопнувшейся ловушке. «Из огня да в полымя» — она не знала этой фразы, не повторяла её, не думала о ней. Но она уже жила по её закону, неосознанно, без выбора, потому что выбора у неё не осталось.

Если бы он, её муж, не вырвал телефон в той драке, она бы уже набрала тот номер, который пусть не помнила наизусть, но она верила, что это её путь надежды. Но телефон остался там, в квартире, в руках зверя, и теперь она вынуждена была бежать — бежать к нему, к своему спасению, босиком в грубых ботинках-берцах по мёрзлому асфальту. Она знала: в спортивном зале, где он работает тренером, девчонки-администраторы помогут ей, они все её знают, они видели её улыбку, они не дадут ей пропасть. Теплилась надежда — маленькая, трепещущая, как язычок свечи на ветру, — что он сейчас на смене, что она добежит, что она сможет выдохнуть, что она сможет рассказать ему всё, что случилось.

Она бежала тридцать минут. Тридцать минут боли, холода, страха и этой дрожащей надежды. Она ворвалась в зал, задыхаясь, с растрёпанными волосами, с ободранными пятками, с глазами, полными слёз и отчаяния, — но тренера-спасителя там не было. Его не было. И надежда, та самая, единственная, рассыпалась осколками у её ног, но пока мир ещё не успел стать холодным, пустым, и безжалостным, она решительно направилась к стойке администраторов.

Она ворвалась в зал, задыхаясь от рыданий, — волосы растрепаны, руки дрожат, на щеке багровеет свежий след от удара. Дрожащим голосом, срываясь на всхлипы, она попросила номер тренера. Пальцы не слушались, телефон выскальзывал, но она набрала его — и в трубке раздался спокойный, как гром среди бури, голос. Он не задавал лишних вопросов, не осуждал, не утешал пустыми словами. Он просто сказал: «Сиди, жди меня в зале. Я сейчас приеду за тобой».

Эти простые слова обрушились на неё, как спасительный якорь в бушующем океане. Она бросила короткое «спасибо» девочкам на ресепшене — и ноги подкосились. Она рухнула в

кресло, как подкошенная, словно из неё разом выпустили весь воздух, что держал её на плаву. Тело обмякло, плечи поникли, и она закрыла лицо ладонями, пытаясь унять дрожь.

Но в этой бездне отчаяния вдруг пробился робкий, едва заметный луч надежды. Он не был ярким — он был тёплым, как дыхание жизни.

Она сидела, сжимаясь в комок, и впервые за долгие часы позволила себе выдохнуть. Слезы всё ещё катились по щекам, но теперь в них не было той ледяной безысходности — в них была тихая мольба: «Он едет. Он заберёт меня. Я не одна». Внутри всё сжималось от страха, но где-то глубоко, под пеплом боли, уже тлела искра веры, что этот человек, этот сильный и надёжный голос, действительно станет её спасением. Она ждала, глядя в одну точку, но в глазах её уже не было пустоты — там загоралась трепетная, робкая надежда на то, что кошмар наконец закончится.

Татьяна глубже провалилась в мягкий диван, словно пытаясь спрятаться от всего мира. Дрожь всё ещё не унималась, но адреналин постепенно растворялся, перетекая в другие, более тяжёлые чувства. Внутри неё боролись обида, разочарование, тревога и острая жалость к самой себе — та самая, что сжимает горло и заставляет дышать рвано.

А ведь она была молодой и привлекательной женщиной. Среднего роста, с фигурой, которую время пощадило, несмотря на годы материнства. В свои тридцать шесть она имела всё: двух прекрасных дочерей, любимую работу фотографа, восемнадцать лет брака. Её выдающиеся бедра подчёркивали тонкую талию, она имела небольшую аккуратную грудь, светлые русые волосы, которые слегка вились, и голубые глаза — те самые, что всегда притягивали взгляды противоположного пола. Таня до сих пор слышала голос мужа, который когда-то с благоговением говорил: «Я тебя выпросил у судьбы. Ты моя единственная женщина. Я тебя искал всю жизнь».

Как же теперь ей всё это уложить в голове? Когда он превратился в грубое чудовище, а она из молодой и весёлой девушки — в женщину, замотанную бытом, в футболке, перепачканной детским молоком, которую собственный муж гнобит и не уважает? Сколько лет она закрывала глаза на то, что теперь модно называть «ред флагами»? Она искренне верила, что супруг просто иногда встречается с друзьями. Вначале это её совсем не смущало: быт и дети съедали всё время, некогда было думать, чем он занят. Поначалу он уходил всего на пару часов, и это не вызывало ни тени подозрения. Потом стал пропадать дольше, возвращаться домой около трёх ночи — довольный, словно кот, наевшийся сметаны.

И только когда дочери подросли, пелена начала спадать с её глаз. Как так вышло, что в семье она одна отвечала за всё: за быт, за детей, за садик, за питание, за коммуналку? Её день начинался ранним утром — надо накормить всех, отвезти девочек в сад, а потом лететь на работу, ведь она могла рассчитывать только на собственные силы: детские пособия да то, что зарабатывает фотографией.

Вы спросите, а как же муж? Она и сама не знала ответа. Этот вопрос висел в воздухе, как тяжелый, невысказанный упрек, и с каждым днем становился всё невыносимее. Когда всё пошло не так? Когда тонкая нить, связывавшая их, начала рваться, оставляя только болезненные узлы? Она поднималась затемно, когда небо ещё серело от предрассветной мглы, выкраивая каждую минуту из сна, чтобы успеть хоть что-то. А он... он спал до полудня, и его сон был таким безмятежным, таким глубоким, что она чувствовала, как её собственная душа разрывается от этой несправедливости. А потом, если на столе не оказывалось еды, он мог возмущаться — громко, с обидой, будто это она была воровкой, укравшей у него его законный покой. Он мог поработать пару часов, но это были часы, наполненные лишь его собственными мыслями, а потом исчезал в своих «делах»: друзья, «поиск себя» — как он это называл, — хотя на самом деле это был поиск лёгкости, которая ускользала от него, как вода сквозь пальцы. Он не приносил в дом ни копейки, не замечал, как она стареет от усталости, не видел, как её глаза гаснут, когда она смотрит на него с надеждой, которая тает с каждым его шагом к двери. Он

не участвовал в жизни семьи — он просто наблюдал за ней со стороны, как зритель в театре, где единственная актриса — она, изнемогающая на сцене, а он — лишь зритель, которому всё равно на финал. А его «друзья»... они стали его настоящей семьёй, той, где он чувствовал себя нужным, где его не ждали с счётами и просьбами. Она оставалась одна — с тишиной, с разбитыми надеждами, с вопросами, на которые у неё не было ни сил, ни слов, чтобы ответить.

В какой момент она начала задавать все эти неудобные вопросы ему, сначала просила помощи, потом требовала. Это всё больше раздражало благоверного, и через какое-то время она превратилась в его устах в «непотребщину». Он не стеснялся в выражениях. Она наконец начала осознавать, что так больше нельзя. Градус недовольства рос с обеих сторон.

А потом она увидела своими глазами — спасибо интернету, — как её супруг проводит вечера в компании других девушек. Все вопросы отпали, превратившись в аксиому. Сложить два плюс два может каждый. Всё стало просто невыносимо. Муж пытался сломить взбунтовавшуюся Татьяну — грубой силой подзатыльников и гнетущим моральным давлением. И сегодня их ссора достигла той роковой черты, за которой уже не было пути назад. Она чувствовала это всей кожей — как неизбежность, как приговор, который давно был вынесен, но только теперь приведён в исполнение. Возможно, где-то в самой тёмной глубине её израненной души она уже не искала компромисса — слишком долго она задыхалась в этой клетке, где каждый день был пыткой, а каждый вдох — борьбой за право просто жить. Её жизнь стала невыносимой, и в этот миг, когда злость и отчаяние смешались в один горький комок, она поняла: тишина, которой она ждала, — это не мир, а лишь передышка перед новым ударом. Но сегодня она больше не хотела ждать. Сегодня она хотела, чтобы всё закончилось — или чтобы она, наконец, перестала быть той, кого можно уничтожить.

И вот теперь она сидит в спортзале, почти обнажённая — в нижнем белье и кожаном плаще, — словно героиня трагедии, сорвавшаяся с театральных подмостков в реальность, которая не щадит никого. Ей тридцать шесть. За плечами — целая жизнь, полная ошибок, потерь и боли. Израненное, уставшее сердце всё ещё бьётся, всё ещё надеется, всё ещё жаждет. Она ждёт, что кто-то, наконец, разглядит в ней ту самую женщину, которую когда-то выпросили у судьбы, как величайшую милость. Ту, ради которой стоило дышать, ради которой хотелось просыпаться по утрам. А не ту, которую бросили тонуть в сером быту, в потоке бесконечных упреков, оставив наедине с осколками разбитых мечтаний.

И сейчас она ни о чём не жалеет. Ни о чём. Потому что эту надежду ей подарил он — мужчина. Сильный, крепкий, уверенный в себе. Сколько раз он говорил ей: «Ты можешь на меня положиться. Всегда. Если что — обращайся в любую минуту. Чем смогу, тем помогу. Мне не трудно, я свободный человек». Эти слова, сказанные с лёгкостью, стали для неё спасательным кругом, за который она ухватилась с отчаянием утопающей.

И вот этот момент настал. Она сидит здесь, в этом спортзале, ждёт своего спасителя и лелеет надежду на крепкое плечо, которое укроет её от всех невзгод. Ей кажется, что именно этот спортивный мужчина — её последний шанс, её чудо — мигом развеет все её беды, развеет этот туман боли, окутавший её жизнь. Она вложила в него всю свою веру, всю себя, и теперь её душа дрожит в ожидании, как лист на ветру.

Таня пришла в этот зал весной — после очередной ссоры с мужем, когда внутри неё всё ещё кипела обида, а душа была полна горького разочарования. Тогда она сказала себе: хватит. Хватит терпеть издевательства и оскорбления от того, кто поклялся любить и защищать. Пора заняться собой — единственным человеком, который никогда её не предавал.

Это было не просто решение, а отчаянный шаг. Она с трудом, по крупицам, откладывала из и так скудного семейного бюджета восемнадцать тысяч на абонемент. Каждая купюра была на счету, каждый рубль был расписан заранее, но она смогла. Она выстояла. А потом — снова копила, сжимая себя в кулак, чтобы купить спортивную форму, кроссовки и сумку. И впервые

за долгие годы позволила себе ту одежду, о которой мечтала, — не ради необходимости, а ради радости. Ради того, чтобы почувствовать себя женщиной, а не тенью.

Муж потом попрекал её этими покупками, называл их блажью, хотя сам не отказывал себе ни в чём. Он покупал себе дорогие вещи, а ей — ничего. Когда она пыталась сказать ему, что ей просто не в чем идти в зал, что после декрета у неё остались лишь две растянутые футболки, залитые молоком, он лишь переходил на оскорбления. А сам тем временем жил свою лучшую жизнь — легко, беззаботно, словно она не существовала. Словно её боль ничего не значила.

Но она всё тянула на себе. Тянула дом, детей, его эгоизм. И вот есной, стоя на пороге этого зала, она знала: это не просто спорт. Это её побег. Это её возрождение. Весеннее возрождение.

Именно здесь, в стенах спортзала, она и встретила того самого человека, которого так отчаянно ждала, сама ещё не понимая, что ждет её дальше. Он появился в зале чуть раньше её — ещё зимой, когда воздух был колючим, а жизнь казалась ей серой и пустой. Девочки-администраторы потом, понизив голос, поведали ей его историю: он недавно вернулся из Воронежа, где оставил позади брак, который трещал по швам, и, разведясь, вернулся в родные края, словно пытаясь начать всё заново. Сначала ему было невыносимо трудно — клиентов почти не было, и он тонул в тишине пустого зала, но постепенно, шаг за шагом, он наработал свою клиентуру, и жизнь начала приобретать краски. Таня появилась в его жизни, когда он уже воспрял духом, когда в его глазах снова зажёгся огонь.

Именно он первым привлёк её внимание — не громкими словами, а тихой, ненавязчивой заботой. Он мягко поправлял её технику, когда она задыхалась на тренажёрах, делился советами по питанию, словно оберегая её от ошибок. То подмигнёт ей с лёгкой улыбкой, то случайно заденет плечом, и от этого простого касания по её телу пробегала дрожь. Так, незаметно для неё самой, зародилось их дружеское общение — тёплое, искреннее, без обязательств. Таня постепенно привыкала к его присутствию, к его голосу, к тому, что он всегда рядом. Он ничего не просил взамен — он просто был, и этого было достаточно. Он поддерживал её, пусть в основном морально, но для неё, измученной одиночеством, даже это казалось невероятным даром.

Она вдруг забыла, что может быть так хорошо — просто болтать с мужчиной о всяких пустяках, смеяться над его шутками и чувствовать, что её слушают. Он был умён и проницателен, он умел видеть в ней больше, чем она сама в себе замечала. Он внимательно, с трепетом слушал каждое её слово, словно каждое из них было бесценным. Он делился с ней своей историей, открывал душу — его последние отношения, его брак, тоже были неудачными, и он говорил об этом с болью, которая была почти осязаемой. Он признавался, что ему очень не повезло с женой, и что, несмотря на все его отчаянные попытки сохранить семью, ему всё же пришлось поставить точку. И Таня верила ему — не могла не верить, потому что в его глазах читалась та же рана, что и в её сердце. Да и в зале о нём говорили только хорошее: добрый, отзывчивый, настоящий друг — рубаха-парень, который всегда придёт на помощь. И в этом мире, полном холодной суеты, он стал для неё тем самым тёплым огоньком, у которого она хотела согреться.

— Привет, милая. Как ты? Живая? — этот встревоженный, знакомый, низкий мужской голос словно вырвал Татьяну из тяжёлого оцепенения, из плена её собственных мыслей и горьких воспоминаний. Она медленно подняла глаза — и вздохнула с облегчением, будто гора с плеч. Это был он...

— Семён... это ты... — выдохнула Таня, и в её голосе дрожали и страх, и нежность. — Слава Богу, ты приехал... Как же я рада тебя видеть...

Она подняла на него свои голубые глаза, полные непролитых слёз, а потом вдруг закрыла лицо ладонями и замолчала, не в силах больше сдерживать эту бурю.

Семён молча опустился рядом на мягкий диван, бережно приобнял её за плечи и тихо, но твёрдо произнёс:

— Всё... не надо, не плачь... Успокойся. Я рядом. Теперь всё будет хорошо. Ты слышишь меня? Всё будет хорошо.

Его голос звучал так уверенно, так непоколебимо, словно не терпел ни возражений, ни сомнений — и Таня, как в детстве, поверила ему безоговорочно.

— Всё, хватит киснуть, милая. Поднимайся — и поехали.

— Куда?.. — Таня смотрела на него, ещё не до конца понимая, что у него давно уже созрел свой план — план её «спасения». Он ждал этого часа, ждал, когда сможет наконец проявиться во всей красе героя-спасателя. И сейчас его звёздный час настал.

— Куда, куда... Не закудыкивай дорогу! — засмеялся парень и задорно подмигнул Тане, потянул её за руку, поднимая с дивана. — Повторяю: всё будет хорошо. Поехали. По дороге расскажешь, что у тебя приключилось.

Таня покорно, почти доверчиво, поддалась его натиску — и направилась следом за ним к выходу, с сердцем, переполненным встревоженными, но уже светлыми надеждами на будущее.

Когда Таня опустилась на сиденье автомобиля Семёна, гора с плеч словно свалилась — она наконец-то смогла сделать полный, глубокий вдох. В спортзале ей было невыносимо: кожаный плащ на голое тело, липкий и неуместный, словно насмешка над её израненной душой. Этот наряд, явно не по погоде, вызывал недоумённые взгляды каждого, кто встречался ей на пути, хотя она изо всех сил пыталась слиться с диваном в одно целое, стать невидимой, раствориться в обивке. Но внешность выдавала её с головой — щека всё ещё пылала от пощёчины мужа, на макушке она кое-как прикрыла проплешину волосами, а каждая ссадина и синяк на теле отзывались тупой болью при малейшем движении. Вид у неё был, прямо сказать, потрепанный — изломанный, как у птицы, пережившей бурю.

И вот теперь, в тепле знакомой машины, где пахло его кожей и парфюмом, она впервые за долгое время почувствовала, что может выдохнуть. Семён первые минуты молчал — он не хотел торопить эту напуганную, затравленную женщину. Он терпеливо ждал, когда она сама осмелеет, когда дрожь утихнет, когда она решится заговорить. И наконец Татьяна оттаяла — слова хлынули из неё робким, прерывистым ручьём. Семён про себя улыбнулся, наслаждаясь собственной проникательностью.

— Прости меня, Семён, пожалуйста, что я тебя побеспокоила. Но я... я... — замямлила она, голос её дрожал, как осенний лист, — я не знала, к кому ещё мне обратиться за поддержкой и защитой. — Она судорожно вздохнула и опустила глаза, нервно теребя край плаща. — Но ты ведь сам всегда говорил мне, что я могу звонить тебе по любому поводу... — слова прозвучали тихо, неуверенно, словно она оправдывалась за само своё существование.

— Да брось ты. Всё нормально. Правильно сделала, что позвонила. — Семён выдержал короткую паузу, наполненную тяжестью, и продолжил: — Это опять он?

— Да... он. Мы поссорились, он меня обзывал, а потом стал бить. А я... я ведь ничего, ничего не сделала, понимаешь, Семён? — сбивчиво, захлёбываясь словами, проторопила она, словно снова и снова пыталась доказать свою невиновность.

— Да, ты не нервничай, успокойся. Я тебе верю. Верю, Таня. — Семён оторвал взгляд от дороги и посмотрел на неё с такой глубокой, пронзительной нежностью, что внутри у неё всё потеплело, словно её окутали мягким тёплым светом.

— Спасибо, — прошептала она. — Ты единственный, кто никогда мне не говорил и сейчас не сказал, что я всё придумываю.

Он чуть наклонил голову, будто принимая не просто благодарность, а признание его мастерства — его роли спасителя.

— Да ладно, — сказал он небрежно, но в этой небрежности было что-то твёрдое, как сталь, обтянутая бархатом. — Просто я вижу, когда человеку больно. Не все это умеют, а я

умею. Я, как никто другой, понимаю тебя, ты же знаешь, милая. — Он умело собирал её слова, как осколки разбитого стекла, и возвращал ей их обратно — уже как драгоценный подарок.

Татьяна кивнула, чувствуя, как внутри становится всё тише и тише, как будто боль постепенно отступала. Ей так хотелось верить, что это потому, что рядом наконец-то правильный человек — тот, кто её не предаст.

А Семён про себя улыбнулся. Он любил это чувство — быть героем. Он готов был отдать очень многое за это сладостное ощущение собственной значимости, за благодарность в женских глазах. Ему было приятно, когда женщины нуждались в нём — и он купался в этом, как в тёплой воде.

— Представляешь, — продолжила растерянная Татьяна, голос её дрожал, — я... я пришла домой с тренировки, сумку бросила, разделась, осталась в одном белье, и села обрабатывать фотографии — надо было срочно закончить работу. И тут он начал цепляться. Почему я уселась за компьютер? Почему не бросилась готовить ему ужин? Слово за слово — и вспыхнула ссора. Сначала он просто оскорблял меня, потом подошёл и толкнул так, что я слетела со стула. Я не выдержала и сказала ему, что он не мужик, раз так поступает. И тогда он начал меня бить...

— Какой ужас, милая, что тебе пришлось это вытерпеть, — голос Семёна словно дрогнул от боли. — А дети? Где они были в тот момент?

— Младшая у бабушки, а старшая — в своей комнате. Я рванула к ней, помогла одеться и отправила гулять, чтобы она не слышала и не видела этого кошмара. Я как чувствовала, что он не остановится... Он орал всё громче, я говорила, что он не помогает, шляется, — он взбесился, начал материть меня, обзывать, хватал за волосы, выдрал целый клочок, швырял меня на пол, бил — завязалась настоящая драка. А когда он схватился за утюг, я поняла: всё, это конец. Я лихорадочно думала, как вырваться из этой ловушки, и тут вспомнила — в спортивной сумке лежит газовый баллончик. Я метнулась к сумке,хватила его и брызнула ему в лицо. Он заорал как зверь.

— Ну ты даёшь, милая, — Семён ободряюще улыбнулся, подмигнул ей. — Какая же ты отважная!

— Ага, скажешь тоже... Знаешь, как меня трясло? Я уже просто не знала, что делать. Потом я попыталась ему помочь — предложила отвести в ванную, умыться или вызвать скорую, но он заорал ещё сильнее. Правда, бить меня перестал — ему уже было не до этого, но гонялся за мной и орал, что убьёт, если я не уйду из дома навсегда. Угрожал, что если вернусь — мне конец. Я, недолго думая, схватила первое, что попало под руку — кожаный плащ. И вот я — в трусах, вся побитая, с выданным клоком волос, в берцах на босую ногу — бегу по холоду к тебе за помощью.

— А почему ты мне не позвонила? Зачем по холоду побежала?

— Так он телефон у меня отобрал — боялся, что я ментов вызову.

— А дочка где? Надо за ней ехать?

— Нет, не переживай, я её на автобус посадила и к маме отправила — она рядом, пара остановок.

— Да уж, история... — выдохнул Семён, и в его голосе дрожала неподдельная боль, словно он сам пережил каждое её слово. Он мягко сжал руку Тани, стараясь передать ей хоть крупицу своего тепла. — Ничего, милая, теперь всё будет хорошо. Вот мы и приехали.

Таня словно очнулась от долгого забытья — взгляд, до этого прикованный к одной точке, вдруг скользнул по вечерним огням за окном, и она невольно сжалась, чувствуя, как реальность снова обрушивается на неё.

— Мы где? — тихо спросила она, голос её был похож на шорох осенних листьев.

— Возле моего подъезда, — ответил Семён, и в его словах звучала та спокойная уверенность, которая сейчас была ей так нужна.

Таня смотрела на него с сомнением, в её глазах читалась тревога, смешанная с недоверием.

— Семён, это, наверное, неудобно... Ты же говорил, что с родителями живёшь? — её голос дрогнул, словно она боялась услышать правду.

— Да брось ты, — улыбнулся он, и эта улыбка была как луч солнца в хмурый день. — У нас трёшка, всем места хватит. Я мать предупредил, так что всё нормально.

Таня осторожно, словно боясь сделать неверный шаг, открыла дверь машины. Её пальцы слегка дрожали. Она вышла и направилась вслед за Семёном в тёмную пасть подъезда — этот мрачный зев, казалось, поглотил её окончательно. Сердце бешено колотилось, пульс стучал в висках, дыхание сбивалось, становясь прерывистым и тяжёлым. Волнение накрыло её с головой, как ледяная волна, лишая последних сил. Что она скажет этой взрослой женщине — матери Семёна? Кого приволок в дом её сын? Вопросы, словно острые иглы, впивались в сознание, и каждая секунда казалась вечностью.

Семён Антонов: Рыба мечты / Лёгкая наживка

— Сразу видно, что ты Рыбы, — произнёс он с такой уверенностью, будто только что разгадал её самую сокровенную тайну.

Она молча кивнула, и пальцы сами собой потянулись к кулону. На тонкой цепочке покачивалась маленькая серебристая рыбка — её талисман, её тихий оберег. Татьяна всегда верила: эта крошечная вещица хранит её от бед. И разве могло быть иначе, если сама судьба начертала ей знак Рыб? Она снова отметила про себя, какой он необыкновенно внимательный. Помнит всё — даже то, что другие сочли бы пустяком. Даже её гороскоп.

— Рыбы... Они чувствуют всё. Тонко. До самой глубины, — он небрежно махнул рукой, словно отбрасывая прочь всех этих скучных, правильных, прямолинейных людей. — С тобой нельзя грубо. С тобой — иначе. Мягко, как с водой. Я это умею.

Татьяна медленно выдохнула — так выдыхают, когда с плеч сваливается невидимая тяжесть. Наконец-то нашёлся тот, кто не твердит ей: «не накручивай, успокойся». Тот, кто признаёт: мир для неё слишком громкий, слишком резкий, слишком жестокий. Тот, кто видит её настоящую.

Семён чуть улыбнулся — но не ей. Себе. Тому себе, который в очередной раз безупречно подобрал нужные слова. Тому себе, который точно знал: лёгкая наживка всегда срабатывает безотказно. Особенно когда человек изранен, устал от ударов и до боли хочет услышать: «Я тебя вижу. Ты не одна».

Это был его коронный приём — говорить о знаках, о судьбе, о тонких материях. Он всегда действовал без промаха: редко какая женщина остаётся равнодушной к гороскопам и эзотерике. Всё было заготовлено заранее, отрепетировано до мелочей. Но Татьяна тогда этого не знала. Тогда, в тот самый вечер, ей казалось, что она — единственная во всём мире, кого он понял так глубоко, так точно, так по-настоящему.

Семён налил ей чай в пустую чашку — не спеша, почти благоговейно — и тихо, словно про себя, обронил:

— Главное — не торопить. Пусть сама потянется к теплу. Это самое сладкое.

А потом, повернувшись к ней, добавил уже вслух, глядя прямо в глаза:

— Я вижу, ты сейчас на взводе. Всё слишком сложно. Тебе нужно просто немного тепла. Я это умею.

Он сделал паузу — короткую, но весомую, будто ожидая благодарности за свою проницательность. Семён филигранно, камень за камнем, обтачивал её бастион — и без того разрушенный, и без того раздавленную женщину, пережившую насилие, он с ловкостью опытного рыбака заманивал в свои сети, опутывая её словами, как невидимой нитью.

— Все вокруг суетятся, врут, играют роли, — продолжал он мягко, почти вкрадчиво. — А я вижу суть. Ты ведь это ценишь, правда?

Таня тепло, по-детски доверчиво улыбнулась ему в ответ и кивнула, отчего волосы качнулись вокруг лица. Для неё эти слова прозвучали как самый дорогой комплимент: она — та самая, единственная, кто умеет ценить настоящую глубину. Он ценит её — и сделает всё ради её благополучия. В тот момент она не сомневалась ни секунды.

Семён упивался собой. Он смотрел на Татьяну и видел маленькую, испуганную рыбку, что билась в сетях его сладких речей, уже не в силах вырваться. Он не мог остановиться в своём самолюбовании и продолжал плести заколдованные кружева:

— Не каждый это заметит. Но я сразу понял: ты не из тех, кто хочет просто «успокоиться». Нам надо будет наказать твоего мужа.

Таня испуганно подняла на него глаза — и впилась в него взглядом, словно искала на дне его души хоть каплю правды.

— Что ты имеешь в виду? — почти шёпотом спросила девушка, и в этом шёпоте дрожала не только неуверенность, но и жажда справедливости, которая сжигала её изнутри. Она хотела возмездия, но не понимала, что именно он ей предлагает, и это непонимание ледяной иглой вонзалось в сердце.

— Ну что испугалась? Мы его «накажем» по-умному, не переживай, ты не пострадаешь.

Таня сидела на родительской кухне Семёна, в чужом одежде, которое ей подобрала его мать, и думала сейчас лишь о том, как ей жить дальше, что делать, — но никак не о месте мужу. Мысль о мести была слишком тяжела, слишком неподъёмна для её израненной души.

Она была благодарна Семёну и его семье за то, что они приютили её, накормили. Она приняла душ, позвонила маме и договорилась, что внучки останутся сегодня у неё. Это было единственное, на что она оказалась способна в тот вечер. Силы покидали её, тело наливалось свинцовой усталостью, и ей хотелось лишь провалиться в сон — а не обсуждать план мести.

Семён же, напротив, веселился от души, словно её беда была для него забавной игрушкой. Он подкидывал ей идеи, что они могут сделать с нерадивым муженьком, и в его голосе звенело почти детское предвкушение.

— Ты просто напряжённая, расслабься! — говорил он, и в этом «расслабься» ей слышалось что-то похожее на заботу. Но она не замечала, как его смех становился громче, когда она начинала говорить про мужа и свои тревоги. Не замечала, что он будто радуется её боли, как радуются чужому падению.

Из огня да в полымя — так бы сказали те, кто уже прошёл этой дорогой. Но она пока видела только его улыбку... и не могла разглядеть за ней ту пропасть, в которую он её мягко подталкивал.

Семён смотрел на Таню, и в его глазах, как в зеркале, отражалась не забота, а выверенная до мелочей игра. Он улыбался той самой улыбкой — мягкой, обволакивающей, будто тёплый плед, в который хочется закутаться, не замечая, что под ним уже спрятаны крючки. Каждое его слово было пропитано мёдом, но в этом мёде тонула муха её доверия. Он говорил о её усталости, о том, как она нуждается в отдыхе, как он хочет её оберегать, — и в каждом жесте, в каждом вздохе была рассчитанная театральность, спектакль, где зрительница должна была поверить в его доброту, чтобы потом отдать себя целиком. Он не просто манипулировал — он писал сценарий её собственной боли, где её слёзы станут его триумфом, а её хрупкость — удобным инструментом для его пустого, но жаждущего власти сердца. Таня видела только свет, но не замечала, что этот свет — отражение в его холодных, как сталь, зрачках, которые уже подсчитывали, какую цену ей придётся заплатить за эту иллюзию тепла.

Он пытался вчитаться в её мысли, уловить ритм её сердца — он жаждал, иступлённо жаждал овладеть этой женщиной, и не мог совладать с этим наваждением. Эта вечная игра, как всегда, захватила его целиком, без остатка.

«Эмоциональная привязанность — не нить, что связывает наши сердца, — думал он, — а поводок, на котором я буду удерживать тебя в своей власти. Мне нужен твой живой инструмент, отзывающийся на каждое моё движение. Я стану твоим миром, твоим смыслом, твоим единственным источником света — а затем твоей единственной причиной для страданий. Когда ты уже не сможешь вообразить жизнь без меня, я обрету идеальный рычаг: твой страх потери окажется сильнее любой обиды, а твои надежды на моё возвращение — сильнее любой правды. Я хочу, чтобы ты ждала меня всегда и верила мне безоговорочно. Может быть, с тобой у нас всё получится, моя рыбка. Я хочу быть единственным, кто тебе нужен. Мне нужны твои эмоции — они прекрасны. Твоя преданность станет для меня наркотиком. Ну, а в чём я не прав? Скажи, рыбка, в чём? Мне, как любому смертному, нужна любовь — я хочу заполнить ту пустоту, что съедает меня изнутри. Сколько я страдал! Сколько моей крови выпили эти истеричные бабы: Таньки, Маньки, Светки, Анжелки... Взять хотя бы эту бешеную Эриссу — как она меня в могилу не свела! И ведь до сих пор пытается отслеживать меня в соцсетях, и не сдохла же тогда... Но все они по сравнению с тобой были не те. Ты станешь той единственной моей».

Мыслей в голове Сёмы роилось множество, но вслух он произнёс совсем другое.

— Ты наелась, милая? Может, пойдём спать? Сегодня у тебя был тяжёлый день.

— Да, я очень устала... Надо отдохнуть. Завтра подумаю, что делать дальше.

— Не «подумаю», а «подумаем». Не переживай, всё будет хорошо. Теперь ты «моя».

С этого дня Татьяна осталась жить у Семёна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.